

ВВЕДЕНИЕ

Как рождаются языки

С начала нового тысячелетия все чаще звучит дискурс о «смерти языков». И в то же время все больше языков рождается: повседневные языковые практики уходят в прошлое, оставляя место бывших диалектов новым языкам: языкам-символам, языкам-ресурсам, языкам — объектам языковой политики. Одновременно с появлением новых языков создаются новые сообщества, региональные или трансграничные.

Название этой книги отсылает к статье французского социолога Пьера Бурдьё о регионализации, писавшего в 1980 г.:

Назвать «окситанским» язык, на котором говорят те, кого называют «окситанцами», потому что они говорят на этом языке (на котором никто, собственно говоря, не говорит, потому что он лишь сумма большого количества различных говоров), и назвать «Окситанией», стремясь таким образом привести к его существованию в качестве «региона» или «нации» <...> физическое пространство, где говорят на этом языке, — не бесплодная фикция. Акт социальной магии, заключающийся в попытке привести к существованию называемой вещи, может быть успешным, если тот, кто его осуществляет, способен заставить признать за своим словом власть, которую оно узурпирует временно или окончательно — власть навязать новое видение и новое разделение социального мира ([Bourdieu 1980: 66], перевод мой).

Сегодня, в другом социально-политическом и идеологическом контексте, подобный «акт социальной магии» совершается на наших глазах с появлением нового *франкопровансальского*, или *арпитанского*

языка, *арпитанцев* и *Страны вокруг Монблана*, или *Арпитании*. Идиом, который вплоть до конца XX в. существовал преимущественно как совокупность разрозненных устных говоров альпийских земледельцев и животноводов, юридически признается отдельным региональным или миноритарным *языком* на региональном, государственном и надгосударственном (трансграничном, европейском) уровнях. Для него создается стандартная письменность, планируется его введение в школьное образование в разных странах его распространения. Одновременно с этим формируется новое трансграничное сообщество, чьи границы совпадают с языковыми границами, а носители франкопровансальского признаются «языковым меньшинством».

Почему сегодня появляются такого рода новые языки и языковые сообщества? Кто и почему участвует в этом процессе? Как официальный статус языков соотносится с реальными языковыми практиками, языковой смертью и ревитализацией? На эти вопросы я попытаюсь ответить на примере франкопровансальского языка и языкового сообщества.

Франкопровансальский язык распространен в приграничных районах трех государств: Франции, Италии и Швейцарии. Эти три государства характеризуются тремя различными моделями политического устройства:

- Франция — высокоцентрализованное унитарное государство с официальным монолингвизмом;
- Швейцария — конфедерация с высокой степенью автономии кантонов и с четырьмя государственными языками;
- Италия — регионалистское государство, где франкопровансальский язык распространен в двух разных политических контекстах: в регионе Пьемонт, без особого статуса, и в автономном регионе Долина Аосты, где в сферу компетенций властей региона входят, в частности, вопросы языковой политики, образования и культуры.

Эти различия позволяют увидеть, как меняется языковая ситуация, представления и дискурс об одном и том же языке и языковом сообществе в зависимости от социально-политического, экономического и идеологического контекста. Кроме того, проблематика границы позволяет рассмотреть вопрос конкуренции в современном европейском контексте национальной принадлежности в рамках того или иного государства и регионально-трансграничной, где государственные границы теряют свою символическую значимость.

На сегодняшний день не существует ни других исследований франкопровансальского, сравнивающих ситуацию в разных районах его

использования (страны с разными политическими моделями, поселения разного социально-экономического типа), ни исследований этого языка, выполненных методом включенного наблюдения и (или) с использованием подхода критической социолингвистики. Традиционно он описывался со структурно-лингвистической точки зрения в рамках французской и (реже) итальянской диалектологии¹.

На момент начала моего исследования какие бы то ни было социолингвистические описания франкопровансальской языковой ситуации отсутствовали, за исключением появившихся в то же время экспертных отчетов для разработки языковой политики того или иного региона — Долины Аосты [Fondation Chanoux 2003] в Италии и Рона-Альпы во Франции [Bert et al. 2009].

Социолингвистические публикации стали появляться в последние несколько лет: сборник М. Маттэ и М. Мёна [Matthey, Meune 2012] о франкопровансальском в Швейцарии; диссертация Б. Пиво о франкопровансальском во Франции [Pivot 2014]; специальный выпуск the International Journal of the Sociology of Language, посвященный франкопровансальскому в Европе, а также в Северной Америке (IJSL 2018). В 2019 г. вместе с коллегой К. Дюнуайе мы организовали конференцию и круглый стол с другими авторами статей из этого сборника в Долине Аосты для продолжения дискуссии (материалы круглого стола опубликованы в [Dupouey 2019]).

Социолингвистические описания, появляющиеся в последние годы, как правило, рассматривают франкопровансальский как «язык, находящийся под угрозой исчезновения» (*langue en danger*, см., например: [Bert et al. 2009; Pivot 2014]). Данная точка зрения предполагает, что эта совокупность идиомов всегда существовала в качестве отдельного языка и теперь попала в «угрожаемую» категорию. Я придерживаюсь другой точки зрения, говоря в этом контексте не о «смерти», а о «рождении» языка. Разумеется, я не отрицаю, что франкопровансальский сегодня все меньше используется, а в некоторых регионах и вовсе исчез из употребления. Но в то же время с исчезновением соответствующих коммуникативных практик франкопровансальский рождается как «язык» — как выделенный и признанный правовым путем объект действительности, как концепт, как кодифицированная система с приписанным ему именем и развитием системы орфографии. Язык-концепт, язык — объект языковой политики, затмевающий собой реальные

¹ См.: [Gauchat et al. 1925; Gardette 1983; Schüle et al. 1978; Tuailon 1983, 2007; Diemoz et al. 2014; Kristol 2013, 2016].

практики, реальные механизмы языкового сдвига и нужды носителей. Именно такого рода социальная динамика в разных странах находится в центре внимания данной книги.

На примере франкопровансальского языка рассматриваются современные социолингвистические вопросы — точнее, старые вопросы в свете современной действительности: вопросы многоязычия, языка и самоидентификации, типологии языковых ситуаций и носителей, наименования языка и его стандартизации и т. п.

Три основных части книги названы по соответствующему центральному аргументу, хотя в каждой из них в той или иной степени присутствуют все три составляющие — и горы (и равнина), и язык (и диалект), и социальная магия.

Первая часть, «Горы и равнина», начинается с этнографического описания жизни языкового сообщества в разных странах, а затем представляет авторскую типологию языковых ситуаций. На основе полевых данных рассматриваются различные факторы, влияющие на динамику языковой ситуации, и разные типы современных носителей малых языков вроде франкопровансальского.

Во второй части, «От диалекта к языку», вопрос о том, как *патуа*² превращается в *язык*, анализируется в исторической перспективе: от лингвистического труда Асколи, впервые вычленившего «франкопровансальский языковой тип» до «народной лингвистики» или «лингвистики ресентимента» Анриэ, создавшего понятия «арпитанский язык» и «Арпитания», и заканчивая современной языковой политикой на уровне трех государств и трансграничного сотрудничества. В этой части демонстрируется, как любой дискурс о языке, какой бы ни была инстанция, которая его порождает (лингвисты, активисты, политики), появляется под влиянием социополитического и идеологического контекста времени и места его порождения.

Третья часть, «Немного социальной магии», посвящена анализу современного дискурса языковых активистов — представителей конкурирующих течений в процессе превращения патуа в язык. Что нужно идиому сегодня, в первые десятилетия XXI в., для того, чтобы считаться языком? Споры о географических границах, имени идиома и системе орфографии широко распространены в движениях языковой ревитализации по всему миру. На примере франкопровансальского я выделяю две основные модели сегодняшних европейских представле-

² Патуа (фр. *patois* 'говор, наречие') — принятое во франкоязычных странах обозначение местных говоров и, в широком понимании, всех форм языка, кроме стандартных.

ний о языке и сообществе. Наконец, я затрагиваю вопросы связи языка и самоидентификации. Идиом официально превращается в язык; но значит ли это, что все его носители превращаются в единое трансграничное языковое сообщество? И каковы последствия этих процессов?

При анализе материала я буду употреблять термины, предпочитаемые конкретными информантами, о которых будет идти речь (эмное описание), не утяжеляя текст кавычками при использовании таких слов, как франкопровансальский, арпитанский, язык, патуа и т. п. В общих описаниях для удобства я буду использовать термины «франкопровансальский» и «язык» как принятые в современной лингвистике и, соответственно, относительно нейтральные.

Все имена изменены. При цитировании информантов указываются условные инициалы информанта, примерный или точный год рождения и приверженность тому или иному движению. Используются следующие сокращения:

arp — арпитанский

fp — франкопровансальский

pat — патуа

sav — савойский

oc — окситанский

подчеркивание — эмфаза³

— — короткая пауза

<...> — пропущенный отрывок

полу жирным шрифтом выделяются части высказывания, наиболее важные для анализа.

Во всех цитатах, кроме цитат из публикаций на русском языке, перевод мой.

На перекрестке научных культур

Мои исследования, как и моя жизнь в последние пятнадцать лет, проходили на перекрестке разных культур, в частности научных. Одновременно с магистратурой по общему языкознанию и социолингвистике в Санкт-Петербургском государственном университете я закончила

³ Эмфаза (от греч. ἔμφασις 'указание, пояснение, выразительность') — выделение важных в смысловом отношении элементов высказывания, в частности с помощью интонации.

магистратуру по социологии Французского университетского колледжа в Петербурге. Потом я училась в магистратуре в Сент-Эндрюсе (Великобритания) и Перпиньяне (Франция) на междисциплинарной программе, сочетающей социолингвистику, антропологию и культурологию (cultural studies). Дальше была аспирантура на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, социолингвистические научные стажировки в Лионе и Монпелье (Франция) и годовичная исследовательская стажировка в Лозанне (Швейцария). Наконец, докторантура (PhD) университетов Бергамо (Италия), Перпиньяна (Франция) и Сиднея (Австралия), на стыке социолингвистики и антропологии.

Я погружалась в разные научные сообщества, как в иное время погружалась в языковые сообщества где-нибудь в альпийских деревнях. Мой исследовательский подход формировался, по-своему соединяя русский, романский и англосаксонский научные миры, в диалоге с коллегами со всего мира. Написание диссертации, которая отвечала бы требованиям научности одновременно нескольких национальных традиций, неизбежно приводит к постоянному сравнению этих самых традиций, к восприятию их не как твердой почвы для построения своего исследования, а как объекта наблюдений. Понимание того, что значит быть исследователем в аспекте профессиональной научной деятельности и какие обязанности будут входить в эту деятельность, во многом зависит от страны. Впрочем, как и понимание того, что такое наука вообще.

Двадцать лет назад швейцарский исследователь Патрик Серио предложил использовать в истории науки термины, на первый взгляд не слишком похожие на научные: «дух времени»⁴ и «дух места». Эти термины напрямую связаны с моим исследованием, как, впрочем, и с любым исследованием в общественных и гуманитарных науках. «Дух времени» — это характерное для определенной эпохи «твердое ядро знаний и догм, которое позволяет исследователям почувствовать твердую почву под ногами, в то же время скрывая от них другие возможные способы исследования» [Sériot 2012 [1999]: 32–33]. «Дух времени» характерен для всего научного сообщества (в более или менее глобальном масштабе); с ним сосуществует более локализованный «дух места»: способы ведения научной деятельности, принятые локально и диктующие выбор тех или иных научных парадигм. При

---

⁴ Переосмысление термина немецкой философии *Zeitgeist* 'дух времени' применительно к эпистемологии науки.